

Над селом и малокомплектной школой занесён топор “развития по ТАСИСу”...

Галина СУВОРОВА, руководитель Центра “Сельская школа”,
Института общего среднего образования РАО, доктор педагогических наук, профессор

Ломали кости, рвали жилы...
В ответ — ни стоны, ни мольбы,
Одно лишь: “Господи, помилуй”,
Да вера в праведность Судьбы...

Н. Мельников

“Поставьте памятник деревне!”

Дождались... Международный валютный банк финансирует проекты по развитию образования на селе: укрепление сельской школы и создание пособий типа известных соросовских под девизом “Обновление гуманитарного образования” (к счастью, наши учителя разобрались в этом бесплатном сыре, положенном в мышеловку.).

Несчастливая наша деревня! Кто только ни изгалялся над ней, какие эксперименты ни ставил, какие новшества ни вводил, чтобы известить под корень российское крестьянство, чтобы село, деревня с их пока ещё сохранившимися традициями общности, соборности исчезли с лица земли.

Перечислять всё — бумаги не хватит. Тут и отруба Столыпина, раскулачивание и расказачивание Тухачевского, Блюхера и иже с ними, и коммуны с принудительной коллективизацией времён Сталина, и обязательная посевы кукурузы повсеместно, вплоть до Северного полюса и агрогорода Никиты Хрущёва, и “неперспективные” деревни Татьяны Заславской, и нынешняя деколлективизация с неудавшимся фермерством...

К этому скорбному, далеко не полному мортирологу добавим затопление сотен тысяч сельхозугодий, переселение целых сёл по какой угодно “важной” причине, бесконечные указания уполномоченных всякого ранга, как и когда пахать, сеять, убирать, что известить, вырубить, что посадить. А ещё повековая беспаспортность, бесплатный труд (только теперь горожане почувствовали, каково это — работать за “палочки-трудодни”, вспомнили деревню?). А ещё с маниакальным упорством и последовательностью внушаемая мысль-оценка — второсортность, отсталость деревни. Это — о кормильце, о Хозяине Земли и Работнике на ней. Страшно, что и сама деревня поверила в эту подлость и нередко слышишь: “Да мы — деревенские, где уж нам...”

И что характерно: судьбы крестьянства, земли, сельского хозяйства во все времена решают сугубо городские люди, не советуясь, не спросив деревенских. И всегда один результат: разрушение уклада жизни, разрушение самой деревни, очередной развал отрасли, моральное унижение, а то и физическое уничтожение крестьянина.

Сельская школа всегда была в поле зрения “экспериментаторов”-разрушителей. С завидной настойчивостью в сознание общества внедрялось представление о “плохой” сельской школе. При этом постоянно подменялись понятия: маленькая — значит, плохая, большая, конечно же — хорошая. На этой подмене выстраивалась псевдотеория совершенствования сети сельских школ. “Совершенствование” однозначно понималось как укрупнение, а не как изменение важнейшей инфраструктуры села, улучшение обслуживания населения, создание условий для реализации конституционного права каждого сельского ребёнка (гражданина страны!) на полноценное образование.

Сегодняшние реформаторы не употребляют термина “совершенствование”, заменив его “развитием”. Однако проект развития образования на селе точно так же, как и во времена реформы деревни по модели Заславской, подменяет понятия, рассматривает предлагаемые варианты лишь с позиции “pro”, “за”.

Попытаюсь создать объективную картину. Метод экстраполяции прошедших событий поможет в этом. Начнём с того же ложного аргумента. Обществу и сегодня внушается мысль о том, что маленькие школы ликвидируются по причине неудовлетворительной или почти неудовлетворительной работы, — слабой подготовки учащихся. Однако замечу, что серьёзно никто и никогда не исследовал качество, а значит уровень подготовки сельских школьников по возрастным группам. А заключения преподавателей вузов по итогам вступительных экзаменов нельзя отнести к объективным, ибо они не учитывают дополнительной подготовки городских абитуриентов на подготовительных курсах разной длительности, репетиторства — т.е. именно те влияния, которых лишены сельские сверстники. Вдобавок стеснительность и (простите за немодное ныне слово) скромность, определённая медлительность, диалектная окраска речи и некоторая неуверенность от непривычной обстановки — всё это создаёт контраст городской бойкости... Точно то же и с уровнем преподавания: ну нет у нас исследований, позволяющих с уверенностью утверждать превосходство городских учителей над сельскими. А на каждый пример яркого неповторимого городского учителя есть пример ярчайшего сельского. Что касается учительских коллективов, то в городе нередко рядом с великолепным учителем годами работают, не перенимая от него и самой малости мастерства, десятки весьма средних... В сельской школе такое вряд ли встретишь. Если же в качестве критерия взять победителей конкурсов “Учитель года”, то сельских учителей среди победителей областных и Всероссийского конкурса не меньше, а то и больше.

Значит, **речь идёт не о качестве работы учителя и всей “малой” школы. Речь идёт именно о ликвидации тысяч малокомплектных школ.** Причин тому две: экономическая и социально-политическая. Первая: содержание маленькой школы дорого, стоимость обучения одного ребёнка много выше, чем в крупной. Это так. И в спорах 80-х годов даже было посчитано, сколько выиграет государственный бюджет, если учеников малых школ (их обучение обходилось СССР в 150–170 р. и выше) перевести в большие школы, где один ученик “стоил” 58–68 рублей. Выигрыш экономический был налицо, ведь начальных школ в России было свыше 50 тысяч. Ретивые районные и областные руководители, подсчитав выгоду, принялись за “совершенствование” сети сельских школ — несколько тысяч их было закрыто. Через несколько лет мы пожинали печальный результат: вместе со школой исчезала деревня, зарастала чертополохом...

... Вспоминаю, как с народным учителем СССР Александром Александровичем Ковалёвым едем по Жарьинскому району час-другой, и он сдержанно-горько говорит, показывая на заросшие чернолесьем остатки изб, полуразрушенных построек каких-то: “Здесь вот стояла начальная школа... Хорошая школа была”, “А вот здесь — восьмилетка, какой физик здесь работал!”, “И здесь... и здесь...” Так — на десятки километров, в десятках школ. Такая же жуткая картина и в Псковской, и в Курганской, и в Читинской... и во многих других областях.

Разрушение продолжалось до тех пор, пока хозяйственники — руководители лесхозов, совхозов, перерабатывающих предприятий не забили тревогу: с закрытием школы из деревни уезжали молодые семьи, трудоспособное население. Тогда же появилась статья замминистра просвещения России Ивана Косоножкина о сиюминутной выгоде и **долговременных огромных потерях экономики от разрушения села — сельскохозяйственной отрасли.** Здесь к месту помянуть добрым словом тех председателей и директоров, которые год и даже два “держали” школу, в которой уже не было учеников. Держали для подрастающих детишек.

А что же учителя закрытых школ, где они? Вместе с деревней снялись с насиженных мест и подались кто куда — к родным, знакомым, в другие деревни, реже — в город. Там, где деревня осталась, занялись чем смогли.

Что выиграло образование? В большие школы пришли двое-трое учителей (и то при наличии жилья), полсотни школьников, крупным школам было передано оборудование (если оно было в малых), и... очень большие хлопоты: нужно было позаботиться о школьном

интернате и воспитателях, о питании, о транспорте, водителях, бензине, о постельном белье, стирке его. Всех забот, появившихся с увеличением контингента детей из малых сёл, не перечислить. **А вот ожидаемых прибылей государство от ликвидации сельских малых школ не получило.** Сотрудники сектора социально-экономических проблем села Института экономики РАН под руководством Л.В. Абалкина и А.И. Бузлаевой убедительно доказали несостоятельность подобных “реформ”, подобного “совершенствования сети”...

Сегодня ситуация стала прозрачнее. Сельская школа, как правило, на муниципальном финансировании, следовательно, Центр, государство, — называйте как хотите, в финансовом отношении **не может выиграть от ликвидаций малых школ.** Ну в отдельных случаях — какие-то крохи в масштабах государства. А проигрыш не просто ощутимый — **ведущий к катастрофе: к беспризорщине, а в будущем — к безграмотным поколениям.** Это не преувеличение. Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с данными военкоматов: из года в год, начиная с 1985-го, увеличивается процент призывников, не имеющих девятилетнего образования, в последние три-четыре года стремительно растёт число не имеющих начального образования. И это в стране всеобщей грамотности!..

Корни явления — в социально-экономическом положении двух третей населения России. Добавим к этому “омоложение” групп преступников: речь идёт уже не о подростках, а о детях восьми-девяти лет — наших несостоявшихся учениках. Если закрыть школы, где детям в самом плохом случае обеспечено не только обучение, но и пригляд, сколько тысяч пополнят армию гуляющих без дела подростков! По данным нашей лукавой статистики, с 1989 года от двух до четырёх миллионов детей бросили школу! (Уму непостижимо, но Минобразования факт этот не волнует, никаких видимых движений к преодолению ситуации нет! Кроме радостных сообщений о единичных попытках МЧС создать школы-интернаты — летний лагерь для беспризорников.)

Вернёмся к деревне с её малочисленной школой. Возьмём вариант сохранения деревни и без школы. Есть такие у нас? Да великое множество! Живут и живут себе, постепенно угасая. Сначала закрыли Дом культуры или клуб (что их держать в малой деревне?), потом “укрупнили”, то бишь ликвидировали сельские больнички и даже фельдшерские пункты — по той же бесчеловечной причине. Дошла очередь и до последнего очага культуры — школы. Безработный учитель очень скоро погружается в хозяйственные заботы полностью. Это понятно: отпала необходимость “быть на уровне”, “соответствовать”, необходимость обновлять знания, в конце концов “причепуриваться”, как говорит прекрасная учительница Соколовской школы Южно-Сахалинской области Анна Ивановна Федоренко, т.е. приодеться, прихорошиться, чтобы ученики видели учителя, а не соседа по огороду... Церковь не построили, школу закрыли. Батюшки — священника ещё нет, учителя уже нет.

Тончайший паутинный слой интеллигенции исчезает... Журналы и газеты из-за дороговизны давно исчезли из обихода не только села, но и города. Остаётся телевизор с его псевдокультурой, разлагающей нравственные устои, зомбирующей сознание измученного борьбой за кусок хлеба человека. Село, стало быть, тоже проигрывает. Про сельского учителя в проектах “Развития...” забыли, как бы и нет сельского учителя, будто и не станет он безработным, будто не плакали наши деньги, потраченные на подготовку учителя.

Есть и ещё один аспект: студенты педагогических колледжей, институтов, университетов. По разным мотивам они получают педагогическое образование, часть их изначально не связывает своё будущее со школой, просто получает диплом. Но другие-то хотят стать именно учителем, работать в школе. Встанем на их место: зачем же учиться, **если твой труд не нужен, если твоя школа в твоём селе закрыта при живых детях и учителях?** Пусть не в твоём, а в соседнем селе, не в твоём районе, а рядом. В лекциях по педагогике, по социологии обойти эти жизненные проблемы невозможно. Вот и представим состояние студента, выпускника сельской школы, которому с первого класса говорили о любви к малой родине-деревушке, строили планы, писали сочинения “Каким я вижу наше село в будущем”, “Что я сделаю для односельчан?”. Воспитали Человека, Гражданина, мечтающего помочь сельскому ребёнку, его родителям, видящего себя просветителем, пре-

образователем, строителем. Как им, невостребованным, незащищённым, жить? И здесь — одни потери. **Теряет село, теряет учитель, теряет, проигрывает страна...**

Кто же в выигрыше? Может, ученик? Попытаемся увидеть этот “выигрыш”, преимущества укрупнения сельской школы. Начнём с младших ребяташек. В старом, советском Законе “Об образовании” ключевым словом, стержнем Закона был всеобуч. Всеобщее обязательное обучение. Оно определяло деятельность начальной, неполной средней и средней школ и их размещение с учётом географических и социально-экономических особенностей страны. На практике это означало, что в горных аулах, в леспромхозах, на стойбищах работали начальные, как правило, малокомплектные школы. Понятно, что здесь наличие школы определялось отдалённостью, определённой изолированностью сельских поселений. Однако малокомплектные начальные, да не одна, а две, даже три работали в станицах Ростовской области, Ставропольского, Краснодарского краёв, в других областях, где протяжённость станицы достигала 12–15 километров. Нередко малые школы были на окраинах городов, как, например, Любятковская начальная малокомплектная, где десятки лет работала народный учитель Полина Георгиевна Лозина. В этом случае в Законе была статья о транспортной (дорожной) доступности, которая для младших школьников определялась в 2, 5–3 километра пешком или 15–25 минут езды в автобусе.

Соответственно для учеников восьмилетних школ нормы увеличивались до 5–6 км и 30–40 минут. Иными словами, **конституционное право ребёнка на образование без различия места его проживания обеспечивалось соответствующими условиями реализации этого права.**

И в начале 80-х, когда под флагом совершенствования сети сельских школ проводилась ликвидация малокомплектных начальных и восьмилетних, розовый флёр обольщения большой, и как бы изначально хорошей школой, коснувшийся даже таких умнейших прагматиков, как тогдашние замминистра МП РСФСР М.П. Кашин и начальник Программно-методического управления В.П. Стрезикозин, не закрыл интересов сельских школьников. В иных формах, но принцип доступности обязательного образования реализовывался неукоснительно. Изменение сети школ в каждой территории рассматривалось на заседании коллегии министерства подробно, с указанием того, как обеспечена доставка детей к школе: рейсовыми, школьными автобусами, или проживанием в школьных интернатах. Казалось бы, предусмотрено было всё. Но, как говорится, “гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить”. Овраги — это нарушение расписания рейсовых автобусов из-за грязи осенью, заносов зимой. Школьные автобусы по тем же причинам не ходили — отсутствие бензина, занятость колхозных шофёров... И рейсовые, и школьные автобусы не отапливаемые. Дети стояли на зимних дорогах в ожидании автобуса, а он мог задержаться на час-другой или совсем не прийти. Как-то однажды “прелестей” укрупнённой сети школ довелось испробовать группе психологов под руководством А.К. Марковой: в Марьинском районе, когда они прождали рейсовый автобус более двух часов при 30-градусном морозе, чтобы из школы вернуться в райцентр. **А наши замечательные ребяташки, которых так часто бранили за всяческие провинности, годами подобным образом добирались до школ, и в голову им не приходили высокие слова про стойкость, мужество, “целе-направленность”...**

Уже три-четыре года (из неофициальных бесед с работниками народного образования) в ряде регионов России сельские школьники не учатся из-за фактической недоступности школы. Рейсовые автобусы, которыми дети из малых деревень, окраин станиц ездили в школу (укрупнённую за счёт закрытых малокомплектных), например, в той же Ростовской области, Красноярском крае, в Раменском районе Московской области и многих-многих других, ходят по расписанию, не согласованному с началом и окончанием занятий в школе, как это было раньше. Автобус и школа принадлежат разным ведомствам, автобус нередко делает всего два рейса в сутки, ему не до расписания уроков. Естественно, младшие не преодолевают десятка километров, учатся только выпускники. А легко ли так учиться, — преодолевая ежедневно несколько километров по нашим распрекрасным дорогам в нена-

стье, морозы, оттепели?.. А в лесных и степных краях, где полным-полно хищников? Это не город с зоопарком и относительно сытыми волками и медведями и не страшные сказки — самая обыденная реальность.

Что же станется с детьми, если вновь начать укрупнение — “совершенствование” планово, сознательно, отчитываясь перед равнодушными “вышестоящими” о “продланной работе”?.. Сколько детей бросят школу? Какой родитель пошлёт семилетнего дитя за тридевять земель? И восьмилетнего, десятилетнего?..

Совершенно ясно, что вариант “школьники ездят в школу” отпадает: рейсовые ненадёжны, а школьные, если и сохранились у мудрых директоров, будут стоять из-за отсутствия топлива и средств на его приобретение. Ожидать кардинальных перемен на транспорте, конечно, можно, но только в худшую сторону: бензин дешевле не будет. Дороже и многократно — да.

В “транспортном” варианте я не коснулась стоимости проезда. Сколько бы ни стоил билет для школьника, в семье даже на это денег нет. Не будем обольщаться деревенской зажиточностью, повторяя афоризм нашего незадачливого недавнего руководителя: “Хотели как лучше, получилось, как всегда”. Денег у сельчан даже на учебники в подавляющем большинстве семей нет.

Всерьёз рассматривается вариант “Интернат при школе”. И это было, и это мы уже проходили. Если опираться на данные статистических отчётов, школьных интернатов было в 70–80-е годы достаточно, картина вполне благополучная. Если же проехать по области, любой, наугад взятой, то поймёшь, почему понадобилось июльское (1973 года) Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по сельской школе. Оказалось, что школьный интернат школьному интернату — рознь. Были кирпичные, построенные по типовым проектам. Все условия для жизни детей: просторные спальные комнаты с удобными кроватями; столовая с кухней, оснащённой необходимым оборудованием; игровые, где было место малышне и подросткам; классы для самостоятельной работы; душевые и гигиенические комнаты для девочек; комнаты воспитателей. И были избы, приспособленные для ночлега двух десятков детей, с кроватями, стоящими вплотную друг к другу, с крохотными пространствами, где едва табуретка помещалась; ни о каких удобствах и речи не было. Из санитарно-гигиенических требований неукоснительно соблюдалось одно: чистота — заслуга добросовестных уборщиц и самих ребятишек.

Мне не довелось, кроме единичных случаев, встречаться с фактами, приведёнными в постановлении 1973 года, что на кроватях спят по двое, по трое, что отсутствуют матрацы, подушки, постельное бельё, полотенца. Собственно, суть постановления состояла в обеспечении школьных интернатов и сельских школ необходимым оборудованием. Вопросы содержания и методов обучения и воспитания занимали в постановлении лишь один раздел. Известно, что в первые два-три года из пяти, отведённых постановлением для выполнения цековской директивы, сказывались финансовое и материальное обеспечение, и партийная дисциплина. Поэтому уже к 1977–1978 гг. положение со школьными интернатами было вполне удовлетворительным. Но даже распрекрасный интернат не мог заменить ребёнку семью.

Что мы имеем сегодня? Сколько из типовых, построенных в дореформенный период, приспособленных зданий школьных интернатов сохранилось? В каком они состоянии? О состоянии сельских школ в справках Минобразования данные есть: около трети нуждаются в капитальном ремонте, причём примерно 7% находятся в аварийном состоянии. Справедливости ради отмечу, что подобное положение в образовательных учреждениях сельской местности было и в 80-х, и в 70-х годах. Понятно, здание без капремонта быстро переходит в разряд аварийного. **Про школьные интернаты (не путать со школами-интернатами!) данные в последнее десятилетие не публикуются.**

Представим лучший вариант: здание для интерната при полной средней школе есть. Возложим на родителей обеспечение постельным бельём и продуктами, часть из которых выращена самими школьниками. Кровать, шкаф, стол, стул — тоже из отчего дома? Нужен ещё воспитатель, в том числе ночной дежурный... Или пустим всё на самообеспечение, самовоспитание, самоограничение, сделаем вид, что ни алкоголь, ни наркотики селу абсолютно не ведомы и не угрожают сельскому ребёнку и будем играть фразами о самостоятельности, свободе развития личности?

Известно, что первоклассника семья в интернат не отдаст и правильно сделает: ребёнку шести-семи лет без семьи нет нормальной жизни. Известно также, что проживание в интернате в любом случае формирует привычку к иждивенчеству (нельзя же самообслуживание на уровне гигиены считать трудом). Итак, даже в самом благоприятном варианте пришкольный интернат — всего лишь выход из сложных ситуаций, при котором **ребёнок в проигрыше**.

В действующем Законе РФ “Об образовании” есть упоминание о домашней школе, школе на дому. Вариант? Вариант. Прописан ли этот вариант подробно, кроме названия? На ум, естественно, приходит известное в школьной практике “обучение на дому” детей, по каким-либо причинам не имеющим возможности посещать школу. Применительно к занятиям с одним-двумя детьми всё понятно. А если их четыре-пять? Какие санпины регламентируют условия обучения? Дети какого возраста вместо школы будут учиться в доме? В чьём доме? Разве сельский учитель в массе своей имеет тридцати-сорокаметровую комнату со столом, за которым могут разместиться пять учеников? Что-то мне не довелось встретить такие учительские хоромы.

А кто оплатит амортизацию мебели, аренду помещения? Или предполагается, что такая “домашняя школа” будет работать на добровольных бессребренических началах, а общество эксплуатировать бесконечную дисциплинированность сельского учителя, его преданность делу? Но ведь “домашняя школа”, “школа на дому” не на разовые периодические занятия, а на весь долгий учебный год. И нужны ей учебное оборудование, приборы, таблицы... Или мы возвращаемся к словесному обучению в век информатизации образования?

Одни вопросы — один острее другого. Очевидно, разработчики проектов “развития образования на селе” имеют на них ответы. В виде расчётов финансирования каждого из вариантов. Допускаю, даже уверена — опыт практически ежегодно принимаемых при министрах-временщиках (до В. Филиппова!) программ “Сельская школа” позволяет утверждать это — что всё как бы просчитано, указаны ответственные, сроки исполнения, совещания, отчётность, миллионы рублей планируемых на проект суммарно, по годам, по полугодиям. Указаны и источники — федеральные, муниципальные, спонсорские, иные...

Прекрасные планы! Но куда деться от продолжающихся невыплат детских мизерных пособий, задержки и невыплат заработной платы сельским учителям, воспитателям? Куда деться от Минфина, который спокойно сократил бюджетные расходы I квартала текущего года, обещая вернуть их в четвёртом? Наверное, вернёт. Но это будут уже другие деньги, только кому до этого дело?..

И как забыть Концепцию развития образования в России (авторы А.Н. Тихонов и др.) где предлагается страховое образование? Концепция вроде бы не принята, но вот известный младореформатор Б. Немцов, вдруг крайне заинтересовавшись образованием, озвучивает эту идею на заседании Комитета по образованию и науке Государственной Думы, обсуждавшего Концепцию 12-летней школы. Более того. Недавно в Минобрнауки России прошло обсуждение “Белой книги Российского образования”, проект ТАСИС “Управление образованием”. Проект финансируется Европейским союзом. Руководители проекта: А.М. Кондаков, зам. министра образования, координатор проекта, И.Г. Вагнер и др. И снова мы встречаемся с идеей подушевного финансирования. На страницах 284–286 в разделе Б. “Разделение финансовых потоков, персонификация бюджетного финансирования” читаем: “Средством повышения эффективности бюджетного финансирования, как

представляется, может стать разделением финансовых потоков на институциональное финансирование, т.е. прямое финансирование учебных заведений из бюджетов всех уровней, и бюджетные средства, поступающие в систему через учащихся.

Для общего образования это означает, что учебные заведения финансируются из бюджета пропорционально количеству учащихся (подушное финансирование) в размерах, обеспечивающих предоставление образовательных услуг в объёме минимальных требований образовательного стандарта. Не забыты слова о сельской школе: “Естественно, что при этом подушное норматив должен обеспечивать реально равный уровень финансирования образования в городских и сельских школах, в регионах с различными условиями, т.е. должна быть разработана система поправочных коэффициентов”. “...Субъекты Российской Федерации и органы местного самоуправления должны иметь возможность (надо полагать — правовую? — Г.С.) устанавливать подушные нормативы финансирования на уровне, превышающем федеральный...”.

Вот всё и прояснилось. **Учитывая, что в Российской Федерации только семь регионов донорские, рассчитывать на муниципальные бюджеты — более чем утопично.** Вместо того чтобы все сельские образовательно-воспитательные учреждения перевести на федеральное финансирование и дать сельскому крестьянскому ребёнку возможность получить хотя бы общее среднее образование.

Страна должна знать своих героев и антигероев. **Эту главу в проекте писали наши соотечественники: господина Агранович М.Л., Гохберг Л.М., Каспржак А.Т., Клячко Т.Л., Рождественская И.А., Соболева Е.Н.**

Выводы. От реализации проекта “Развитие образования на селе”, финансируемого Международным валютным банком, проигрывают:

- российские сельские дети;
- российская деревня;
- российский учитель;
- будущее России.

А кто выигрывает? **Тот, кто платит. Ну и те, кому платят за такие проекты.** Другие заинтересованные лица не просматриваются.

Так кто же защитит сельского ребёнка? Найдутся ли здравомыслящие, стойкие мужи, понимающие, куда нас затаскивают, чем закончатся это и подобные преобразования? Будет ли жить российское село или мы обречены увидеть “...памятник деревне, на Красной площади, в Москве”?

Знаю многих руководителей администраций департаментов образования, надеюсь на них, как надеются и на их здравомыслие и гражданскую позицию учителя, руководители сельских школ.

В заключение рискну сделать предложение авторам и реализаторам проекта “Развития...”. Крайне необходимо совершенствовать на селе сеть профильных школ, сменных школ работающей молодёжи, учреждений дополнительного образования, школ в связке с вузами, школ для детей с разного рода проблемами и в первую очередь, — речевых, спортивных школ, станций юных техников, натуралистов, домов творчества. Это нужно селу, ребёнку, семье. А разрушение имеющегося, может быть, отложим? Ломать ведь — не строить...

г. Москва